

УДК 323.17
DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.5869

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (на примерах колумбийской акции «Объединяя отсутствующих» и российской – «Бессмертный полк»)

Игошина Полина Антоновна,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
факультет политологии,
студент,
Москва, Россия,
E-mail: poligoshinka@mail.ru

*Память – это медная доска, покрытая буквами,
которые время незаметно сглаживает, если порой
не возобновляет их резцом.*

Джон Локк

Аннотация

В статье в ходе определения понятия «историческая память» рассматривается становление термина в рамках исторической и социально-политической сфер научной деятельности, его использование в контексте современности, приводятся соответствующие выводы о применении данного феномена к проводимым политическим и социокультурным изменениям в мире. В качестве примеров различных возможных состояний феномена в зависимости от конкретных народов приводятся ситуации, сложившиеся в таких странах, как Колумбия и Россия. Осуществлен сравнительный анализ состояний феномена и проводимых в странах акций.

Ключевые слова:

историческая память, социальная память, коллективная память, социальный конструкт, места памяти, живая память, эпоха всемирного торжества памяти, Ла Виоленсия.

Историческая память представляется сложным политико-культурным феноменом, который связан, в первую очередь, с процессом осмысления и осознания исторического прошлого, исторического опыта. Но как демонстрирует нам современность, она также может являться и результатом манипуляций сознанием масс в политических целях.

На сегодняшний день мы сталкиваемся лицом к лицу с труднопредсказуемыми, но, очевидно, фундаментальными переменами в мироустройстве. Политические изменения способствуют таковым в контексте коллективной памяти. «Война памяти» – вот то, что во многом главенствует на мировой арене. Все чаще имеют место конфликты, связанные с интерпретациями прошлого, исторических событий, изначально казавшихся неоспоримыми. «Если после войны подавляющая часть французов и немцев считала, что главную роль в сокрушении нацистов сыграла Красная армия, то сегодня большинство в этих странах убеждено, что основной вклад в разгром Гитлера внесли США» [5]. Известный исследователь политики исторической памяти А.И. Миллер отмечал, что «во многих посткоммунистических странах некоторые из борцов против коммунистического режима были вовлечены в Холокост и массовые убийства представителей других этнических групп. Однако это не мешает их восхвалению как новых национальных героев. Так, в частности, на Украине сооружены десятки памятников Степану Бандере» [6].

Историческая политика призвана служить «утверждению и воспроизводству в массовом общественном сознании определённого исторического нарратива, задающего основу более или менее единому пониманию и эмоционально-образному восприятию национального прошлого» [15] для укрепления национального единства. Однако зачастую правящие круги превращают ее в политическое оружие – она трансформируется в политические манипуляции. Становится возможным внушать целым сообществам, что их историческая память либо не была сконструирована вовсе, либо была сконструирована неверно, а потому должна быть упразднена и модифицирована. Кроме того, такое положение дел зачастую оправдывается внутренними или внешними военными конфликтами, и до тех пор, пока представители власти не примут решения о завершении данных вооруженных столкновений, нация якобы так и не обретет историческую память. В 2008 году свет увидел так называемое «Воззвание из Блуа», написанное историками Западной Европы со стремлением и призывом остановить законодательное определение интерпретации истории, к чему во многом склонны западноевропейские парламенты: «История не должна становиться служанкой политической конъюнктуры. Ее нельзя писать под диктовку противоречащих друг другу мемуаристов. В свободном государстве ни одна политическая сила не вправе присвоить себе право устанавливать историческую истину и ограничивать свободу исследователя под угрозой наказания» [5].

Что же подразумевается под понятием исторической памяти? Во-первых, следует отметить, что сам термин завладел умами деятелей науки и культуры относительно недавно, в чем в немалой степени и состоит сложность его точного

определения на настоящий момент. Во-вторых, относительной «молодостью» понятия объясняется нечеткое смысловое позиционирование таких, казалось бы, синонимичных терминов, как «коллективная память», «культурная память», «социальная память», «надивидуальная память» и т. п. [2, с. 10]. Однако бытуют мнения, что вышеперечисленное все же не взаимозаменяемо [12, с. 33].

Если проследить процесс становления обозначенных терминов, то можно заметить, что все они вполне могут рассматриваться в качестве элементов развития «исторической памяти»: как от исследования к исследованию одно поступательно сменяет другое. Следует отметить, что пристальное внимание историков к проблеме памяти было инспирировано исследованиями, проводимыми в 1920-х годах во Франции. Изначально их направленность была социально-психологической: изучалась как возможность трансформации индивидуальной памяти в коллективную, так и отрицание индивидуальной памяти как таковой. Импульсом к такого рода исследованиям послужили труды французского философа и социального психолога, представителя социологической школы Дюркгейма Мориса Хальбвакса. Он развивал идею социальности памяти: запоминание, воспоминание и пр. – то есть все процессы памяти, считающиеся преимущественно индивидуальными, на самом деле являются социально-коллективными и формируются не без участия социума. Хальбваксом был введен термин «коллективная память», объясняемый как социальный конструкт (т. е. порождение конкретной культуры или общества, существующее исключительно в силу того, что люди согласны действовать так, будто оно существует, или согласны следовать определённым условным правилам): «именно коллективы и группы, задавая и воспроизводя образцы толкования событий, выполняют функцию поддержания конституирующей их коллективной памяти» [13]. Хальбвакс утверждал, что «любая коллективная память опирается на какую-то группу, ограниченную в пространстве и времени» [14, с. 119], однако в более поздних трудах пересмотрел свою позицию, указывая, что коллективную память следует понимать в качестве культурной, « [которая] обладает значительно большим объемом, чем память какой-либо отдельной группы... » [16, р. 206]. Не менее важной идеей Хальбвакса явилась историзация коллективной памяти и связанная с этим необходимость создания истории памяти как исторического описания процесса, когда совместными усилиями люди «научаются или разучаются что-либо помнить» [14, с. 205].

За концепцией Хальбвакса, переосмысляя ее, последовали значимые, в первую очередь с точки зрения формирования понятия «исторической памяти», исследования. Если Хальбвакс считал нецелесообразным выделять индивидуальную память и коллективную во взаимной обособленности, то французский философ Поль Рикёр рассматривал работу памяти как осуществляемую и внутри, и за пределами индивидуального сознания как в отношении отдельного человека, так и общества в целом [10, с. 680]. Рикёр отмечал, что мир в конце XX – начале XXI вв. переживает так называемое «особое историческое состояние» – связь с прошлым теряется, события забываются, их свидетели умирают, как того желает закономерность жизненных процессов, в результате чего становится невозможным воскрешать в умах пройденное через «живую память» (т. е. коммуникативная память индивидов как непосредственных участников и очевидцев

пережитого может возникать в процессе межпоколенческого общения в повседневной жизни; существует на протяжении жизни трех-четырех поколений) [1, с. 51]. Данное «особое историческое состояние», по Рикёру, требует исторической реконструкции.

Следует также отметить, что некоторое время исследователи разводили понятия «память» и «история», порой даже противопоставляя их друг другу. «История пользуется в принципе иными средствами воссоздания прошлого, нежели память», – считал Хальбвакс [14, с. 187]. По Рикёру, «историография упрощает память людей; она изучает свидетельства очевидцев наравне с документами, подчас не несущими в себе никакой живой памяти... Она вообще абстрагируется от непосредственных данных памяти, конструирует свои собственные, внепамятные события. Многие события, признаваемые историческими, никогда не были чьими-либо воспоминаниями» [10, с. 689].

Путь сближения «истории» и «памяти» обрел свои очертания и позднее уже четко обозначился в XXI веке. Начало данному процессу положили труды французского историка Пьера Нора. Похожей позиции придерживался и теоретик Патрик Хаттон [12, с. 23]. История, противопоставляемая Хальбваксом памяти, с точки зрения Нора, на самом деле пронизывает ее: «...то, что сегодня называется памятью, относится не к памяти, но уже к истории», и соответственно изучение «мест памяти» совпадает с «историей истории» [8, с. 27].

Нора предложил создание «истории символических объектов», связанных с ценностями и воспоминаниями нации. Речь идет о таких объектах, как «архивы вместе с триколором, библиотеки, словари и музеи наряду с коммеморациями, Пантеон и Триумфальная арка, Стена коммунарков» [18, р. 105]. «Места памяти» представлялись Нора лишь тем немногим, что осталось от «целостной памяти» общества после усреднения таковой, утраты «живой памяти». «По мере исчезновения традиционной памяти мы ощущаем потребность хранить с религиозной ревностью останки, свидетельства, документы, образы, речи, видимые знаки того, что было... Бесконечное производство архива – это обостренное свойство нового сознания, наиболее отчетливое выражение терроризма историзированной памяти» [18, р. 120].

За последние двадцать пять и более лет все страны, социальные и этнические группы коренным образом пересмотрели свое отношение к прошлому. «Мир затопила нахлынувшая волна воспоминания» [7], настала так называемая «эпоха всемирного торжества памяти». Нора отмечал, что развитие данного процесса было во многом связано с такими масштабными событиями, как падение Берлинской стены, распад СССР, а также крах диктаторских режимов в Латинской Америке и апартеида в Южной Африке. Огромное количество освободительных движений, направленных на эмансипацию этносов, народов, даже отдельных личностей, отступление от революционных идей, например во Франции, – все это также способствовало пересмотру восприятия прошлого, истории в целом. Рождается идея национальной «памяти». Она достаточно «молода» – насчитывает около тридцати лет, однако продолжает стремительно развиваться. Нора во многом соглашается с ранее обозначенной позицией Рикёра, указывая на возникшую перед миром необходимость восстанавливать утраченное и в отдельных аспектах забытое прошлое по крупицам, мельчайшим

деталюм, знакам, следам как свидетельствам того, чем и кем мы были, и того, что же мы являем собой сейчас. Нора считал, что раньше будущее осмыслялось через категории революции, прогресса или реставрации прошлого. Но теперь, после отказа от данных моделей, будущее не определено. «Эта неопределенность ставит перед настоящим, – которое обладает небывальными техническими возможностями сохранения, – обязательство помнить. Мы не знаем, что нужно будет знать о нас нашим потомкам, чтобы разобраться в самих себе» [7]. Прошлое теперь не вправе называться гарантией будущего, а это означает, что память трансформируется в некое обещание преемственности. Ранее настоящее являлось нитью, что связывала прошлое с будущим. «Теперь же существует сплоченность между настоящим и памятью» [7].

В последние несколько лет понятия «история» и «память» действительно слились в нечто единое, вследствие чего мы уже можем говорить об исторической памяти как таковой. Одна из исследователей данного явления, российский историк Л.П. Репина, в собственном определении термина «историческая память» объединяет многие предшествовавшие концепции, в том числе обозначенные выше, указывая на то, что историческая память выступает в качестве измерения коллективной (социальной, с ее точки зрения) и индивидуальной – «как символическая репрезентация исторического прошлого» [9, с. 10]. Историческая память является как одним из способов передачи сведений и опыта прошлого, так и важнейшей составляющей самоидентификации не только личности, но общества в целом: «Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях» [9, с. 10].

Говоря о проблеме конструирования исторической памяти, следует изначально обратить внимание, как минимум, на следующие моменты: источники исторической информации (то есть способы фиксации и преобразования таковой), механизмы ее трансляции и влияющие на это факторы. Среди основных источников исторической памяти выделяют историческую науку, искусство, литературу и, несомненно, личный опыт, устного или документированного характера (источники личного происхождения – это преимущественно мемуары, воспоминания, письма и пр.). Механизмами трансляции могут выступать СМИ, система образования, «места памяти» и устные коммуникации. Факторы имеют наиболее существенное значение из всего обозначенного, так как именно они во многом задают направленность и определяют дальнейшее развитие исторического сознания в том или ином ключе. Такими факторами являются идеология, религия, политика, рынок, информационные технологии. Они демонстрируют характеристики и особенности информационной среды и культуры общества на определенный исторический момент. «Роль факторов состоит в том, что они регулируют актуализацию, отбор, интерпретацию, доступность исторической информации, т. е. фактически управляют историческим сознанием и исторической памятью» [4, с. 247].

В любой культуре, в любом этносе длительное время с момента их образования наиболее частым и главным способом формирования базы для исторической памяти являлся «устный канал информации», то есть личностный опыт

людей и бытовавшие технологии передачи опыта – от очевидца к слушателю. В дальнейшем с развитием общества, технологий, учитывая разнообразные поворотные моменты мировой истории, данный способ стал подкрепляться и даже трансформироваться под влиянием, в первую очередь, вышеотмеченных факторов. Люди научились управлять исторической памятью.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу конкретных феноменов мы будем отталкиваться от следующего определения исторической памяти: Историческая память – это неотчуждаемое массовое осознание обществом своего положения в истории не только с помощью сохранения памяти о победах и благоприятных поворотах истории существования народа, страны, но и с учетом «погибших всех кровавых расправ, счисления всех ужасов страны» [11]. Позволяя убеждать себя под влиянием различных факторов (в первую очередь политических игр и манипуляций) в том, что историческая память, доставшаяся обществу непомерными жертвами, нечеловеческими усилиями и немалым количеством времени, была ошибочной или не была сформирована в целом, мы тем самым оскверняем память тех, кого с нами уже нет, наших предков, и придаем нейтральный, а порой и негативный характер всему тому, что мы отдали и что потеряли. Историческая память изменчива, как и отношение к ней, однако следует понимать, какой ценой достался путь, сопровождавший процесс ее конструирования, осознавать, что его не вычеркнуть, не стереть.

Ярким примером общности, историческую память которого старательно пытались похоронить в потоке бесконечных вооруженных столкновений, является народ Колумбии. Развязанная в 1948 г. либеральной и консервативной партиями страны гражданская война (период носит наименование «Ла Виоленсия», что в переводе с испанского означает «насилие»), через десять лет вспыхивает вновь в виде конфликта между правительством и повстанцами из ФАРК (леворадикальная повстанческая группировка Колумбии), и завершается только 29 августа 2016 года подписанием мирного соглашения. Продолжительное противостояние уносит жизни 605 тысяч человек, лишает своих домов около 7 миллионов. Столица и регионы Колумбии более полувека наблюдали бесчисленное количество кровавых государственных переворотов. Теперь, с завершением самого продолжительного вооруженного конфликта в Латинской Америке, перед нацией поднимается вопрос самоидентификации с целью предотвращения войн подобного рода в будущем.

Современная Колумбия нуждается в реконструкции исторической памяти, в понимании того, что ее предназначение вовсе не состоит в нескончаемой битве, в состоянии братоубийственной войны. Данная потребность осознается и самими колумбийцами. По словам известной колумбийской художницы и скульптора современности Дорис Сальседо, «... у нас есть право на искусство, культуру, право думать, размышлять, осознавать, что мы, колумбийцы, имеем возможность самовыразиться иным способом, вне войны, мы можем заниматься другими вещами...» (пер. с исп. мой – П.И.) [11].

Дорис Сальседо живет и работает в столице Колумбии, и в настоящее время является одним из самых востребованных скульпторов. Ее произведения можно смело сравнить с поэтическими мемориалами жертв насилия, вооруженных конфликтов и вынужденной внутренней миграции. Посредством акций и инстал-

ляций сеньоры Сальседо общество выражает скорбь по жертвам затянувшегося смутного времени Колумбии: «Мое искусство помогает стране выразить накопившуюся печаль» [3]. В силу своего авторитета и осознания самим народом необходимости сохранения памяти скульптору под силу призвать жителей страны к всеобщему шагу в направлении реконструкции исторической памяти, призвать к миру во имя погибших или, со слов Сальседо, «отсутствующих».

Самой масштабной акцией, проведенной по инициативе и благодаря Сальседо на фоне общественной кампании в поддержку ратификации мирных соглашений между правительством страны и повстанцами ФАРК, стала «Объединяя Отсутствующих» (“Sumando Ausencias” – пер. с исп. мой – П.И.). 11 октября 2016 года главная площадь Боготы, столицы Колумбии, – площадь Боливара облачилась в белый. Дорис Сальседо покрыла ее лоскутами из белой ткани, вручную сшитыми между собой в единый многометровый саван (7000 квадратных метров). На каждом отрезке были написаны пеплом имя и фамилия жертвы 52-летней гражданской войны в Колумбии. Примечательность акции в том, что художница привлекла к ней население.

Участие в данном перформансе приняли тысячи людей – именно они указывали на лоскутах имена «отсутствующих» (сами имена выбирались случайным образом), и далее в течение всего дня приносили и укладывали прямоугольные отрезки ткани на площади, где вместе с организаторами вручную сшивали их между собой. Пепел «двигался» по мере того, как двигалась сама ткань, разносился по ветру, оставляя имена менее заметными на лоскутах: «Имена плохо видны, они почти стертые, потому что мы уже начинаем забывать о погибших в результате актов насилия и жестокости», – отмечает Дорис Сальседо в интервью в день проведения акции. Процесс соединения отрезков 10 тысячами жителей столицы был представлен актом искупления, воплощением желания народа «связать общество воедино и соткать основу для мирной жизни», «объединяя отсутствующих», объединиться самим и, сохраняя память о покинувших нас, во имя принесенной ими жертвы уберечь страну впредь от вооруженных конфликтов. Дорис Сальседо также обозначила: «Я провела всю жизнь, объединяя отсутствующих, с целью показать, что жертвы не застыли в молчании, не остались в одиночестве» (пер. с исп. мой – П.И.) [17]. И молят о мире. Это был не только шаг к реконструкции исторической памяти, но это был символический шаг в поддержку мира, «мощное художественное послание о желании колумбийского народа жить в мире» [17].

В подобного рода мероприятиях и акциях, направленных на поддержание или реконструкцию исторической памяти, вовлечение широких слоев населения имеет важнейшее значение. Еще Хальбвакс в своих работах отмечал, что «память способна выдержать испытание временем, лишь опираясь на социальный контекст» [14, с. 123]. Индивидуальные образы и представления о прошлом не являются долговечными, а без систематической групповой поддержки они и вовсе исчезают. В действительности, когда огромное количество людей собирается вместе и создает что-то «живое» (к примеру, «Объединяя отсутствующих», «Бессмертный полк» и пр.), оживает и память – те, кто есть, объединяются, связывая и воссоединяя тех, кого уже нет. Таким образом сплетаются нити исторической памяти.

Следует обратиться ко второму ранее указанному примеру – акции или движению «Бессмертный полк» в России, целью которого является сохранение исторической памяти, в частности, о поколении Великой Отечественной войны¹. Каждый год 9 мая в День Победы тысячи людей в разных городах мира (народное движение охватывает более 80 государств и территорий) образуют живую колонну, в которой шествующие по улицам городов и других поселений возвышают над собой фотографии своих родных, принявших участие в Великой Отечественной войне, но ушедших из жизни. Можно расценить данную акцию как некий акт скорби, подобный колумбийской «Объединяя Отсутствующих». Однако участники движения не говорят исключительно о боли. Они говорят скорее о радости на фоне гордости, о коллективной причастности к подвигам предков. Так люди благодарят «отсутствующих» и отдают дань их памяти.

В связи с тем, что «живая память» о событиях 40-х гг. XX вв. естественным образом постепенно покидает нас, появляется необходимость сохранения исторической памяти, собранной из личных воспоминаний каждого если не о событиях, то о своих родных, бывших свидетелями данных событий. «Бессмертный полк» – не просто единичная акция: дань памяти уже трансформировалась в традицию, которую каждый год поддерживает, «питает» все большее количество людей по всему земному шару. Пока всего лишь на день, но народы объединяются, становятся единым целым.

Следует отметить, что культурно-политический контекст российской акции коренным образом отличается от колумбийского. «Бессмертный полк» скорее всего выступает как акт коллективного поддержания уже сформированной исторической памяти, колумбийцы скорее нуждаются в реконструкции таковой, на что и направляют свои усилия известные деятели культуры, в частности Дорис Сальседо.

События и результат Великой Отечественной войны позволили России занять определенную позицию в мировой истории, которую старательно пытаются в настоящее время опровергнуть и исказить в ходе политических игр на международной арене. В связи с этим появляется необходимость постоянно напоминать о роли России в освободительной борьбе против нацизма, о том, что и как в действительности произошло 75 лет тому назад.

События крайне долгой гражданской войны в Колумбии далеко не способствовали укреплению исторической памяти страны, а наоборот, были преданы разрушению, подвергнуты попыткам стереть память о них. В российском же социуме память о трагических событиях Великой Отечественной войны не была подвергнута серьезной ревизии, несмотря на некоторые предпринимаемые попытки, совершаемые в данном направлении со стороны внутренних и внешних

¹ Движение «Бессмертный полк» зародилось в 2011 году в Томске по инициативе журналистов Сергея Лапенкова, Сергея Колотовкина и Игоря Дмитриева. В Уставе Полка были сформулированы принципы движения как некоммерческой, неполитической, негосударственной гражданской инициативы. Впервые акция была проведена 9 мая 2012 года в Томске и с каждым годом набирала все больший успех, во многом также благодаря СМИ. На момент 2016 года в акции были задействованы 42 страны – движение стало международным.

оппонентов. Помимо этого, Великая Отечественная война окончилась победой СССР и, таким образом, несмотря на огромные потери, способствовала укреплению исторической памяти российского народа. Колумбийская же историческая память нуждается в своем восстановлении и обретении устойчивости с целью предотвращения в дальнейшем продолжительных конфликтов и смут.

Очевидно, что современность демонстрирует нам необходимость не только дальнейшего рассмотрения политики памяти, но и практического сохранения таковой. Считается, что история ничему не учит, однако это происходит лишь потому, что мы позволяем ее модифицировать, видоизменять, подстраивать под те или иные политические решения. Сохранение, охранение исторической памяти является необходимым противовесом от возможных повторов тех страниц истории, куда мы до сих пор не желаем заглядывать. Помимо всего прочего, историческая память может послужить гарантом мира. Каждый народ обладает своей памятью и тем, о чем он обязан помнить и напоминать самому себе. При этом, оберегая историческую память, мы не пренебрегаем уплаченной ценой, понесенными утратами, жертвами, число которых с каждым новым днем увеличивается. «Отсутствующие» – часть исторической памяти, именно они, их отсутствие, напоминают нам о том, что наше прошлое реально, «вдыхают жизнь» в зачастую формальные исторические документы, архивные данные и даже памятники, дают нам знать, что все это было, существовало в действительности, подсказывают, насколько необходимо помнить и охранять эту память от внешнего воздействия.

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 370 с.

2. Давлетшина Д.Г. Социальная память как основа нравственности человека: Автореф. дис. канд. философ. наук. Уфа, 2006. – 18 с.

3. Интервью Дорис Сальседо при проведении тура по Боготе и своей художественной студии для журналистов газеты «Guardian» в рамках проекта «Художник и его город» от 26 июля 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/cities/video/2016/jul/26/artist-doris-salcedo-bogota-forces-work-brutal-video?CMP=embed_video.

4. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. – № 3 (117). С. 243–256.

5. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=251160&show_refs=1&pubrole=100&show_option=0&.

6. Миллер А. И. Политика памяти в России, странах ЕС и государствах постсоветского пространства: типология, конфликтный потенциал, динамика трансформации (стенограмма дискуссии). [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=251160&show_refs=1&pubrole=100&show_option=0&.

7. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас.

2005. – № 2–3 (40–41).

8. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Издательство С. – Петерб. ун-та, 1999. – 328 с.

9. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.

10. Рикёр П. Память. История. Забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

11. Устный ответ колумбийской художницы Дорис Сальседо как реакция на пост в Twitter колумбийского политика Клаудии Лопес от 11 октября 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/ClaudiaLopez/status/786024986544922624>.

12. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004. – 424 с.

13. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. – № 2–3 (40–41).

14. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

15. Яхшиян О. Историческая политика на Украине в президентство В.А. Ющенко. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26739895>.

16. Hervieu-Léger D., Willaime J.-P. Sociologies et religion: Approches classiques. Paris: PUF, 2001. – 289 p.

17. Malagón Llano S. “Me he pasado toda la vida sumando ausencias”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.semana.com/nacion/articulo/acto-simbolico-de-doris-salcedo-en-la-plaza-de-bolivar/498091>.

18. Nora P. Les Lieux De Memoire 3 Volumes. Paris: GALLIMARD, 1997. – 720 p.

References

1. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokix kul'turax drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 370 s.

2. Davletshina D.G. Social'naya pamyat' kak osnova npravstvennosti cheloveka: Avtoref. dis. kand. filosof. nauk. Ufa, 2006. – 18 s.

3. Interv'yu Doris Sal'sedo pri provedenii tura po Bogote i svoej xudozhestvennoj studii dlya zhurnalistov gazety «Guardian» v ramkax proekta «Xudozhnik i ego gorod» ot 26 iyulya 2016 goda. [E'lektronnyj resurs]. URL: https://www.theguardian.com/cities/video/2016/jul/26/artist-doris-salcedo-bogota-forces-work-brutal-video?CMP=embed_video.

4. Mazur L.N. Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2013. – № 3 (117). S. 243–256.

5. Miller A. I. Politikapamyati v postkommunisticheskoy Evropeiee vozdejstvie na evropejskuyu kul'turu pamyati. [E'lektronnyj resurs]. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=251160&show_refs=1&pubrole=100&show_

option=0&.

6. Miller A.I. Politika pamyati v Rossii, stranax ES i gosudarstvax postsovetskogo prostranstva: tipologiya, konfliktnyj potencial, dinamika transformacii (stenogramma diskussii). [E'lektronnyj resurs]. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=251160&show_refs=1&pubrole=100&show_option=0&.

7. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati // Neprikosnovennyj zapas. 2005. – № 2–3 (40–41).

8. Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh., Vinok M. Franciya-pamyat' / Per. s fr. D. Xapaevoj. SPb.: Izdatel'stvo S. – Peterb. un-ta, 1999. – 328 s.

9. Repina L.P. Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki). M.: GU VShE', 2003. – 44 s.

10. Rikyor P. Pamyat'. Istoriya. Zabvenie. M.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2004. – 728 s.

11. Ustnyj otvet kolumbijskoj xudozhnicy Doris Sal'sedo kak reakciya na post v Twitter kolumbijskogo politika Klavdivii Lopes ot 11 oktyabrya 2016 goda. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://twitter.com/ClaudiaLopez/status/786024986544922624>.

12. Xatton P.X. Istoriya kak iskusstvo pamyati. SPb.: Vladimir Dal', 2004. – 424 s.

13. Xal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyj zapas. 2005. – № 2–3 (40–41).

14. Xal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati / Per. s fr. i vstup. stat'ya S.N. Zenkina. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. – 348 s.

15. Yaxshiyani O. Istoriicheskaya politika na Ukraine v prezidentstvo V.A. Yushhenko. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26739895>.

16. Hervieu-Léger D., Willaime J.-P. Sociologies et religion: Approches classiques. Paris: PUF, 2001. – 289 p.

17. Malagón Llano S. “Me he pasado toda la vida sumando ausencias”. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.semana.com/nacion/articulo/acto-simbolico-de-doris-salcedo-en-la-plaza-de-bolivar/498091>.

18. Nora P. Les Lieux De Memoire 3 Volumes. Paris: GALLIMARD, 1997. – 720 p.

UDC 323.17

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.5869

POLITICAL-CULTURAL PHENOMENON OF HISTORICAL MEMORY (Based On the Examples of the Colombian Action “Uniting Absentees” And the Russian “Immortal Regiment”)

Igoshina Polina Antonovna,

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Political Science,
Student,
Moscow, Russia,
E-mail: poligoshinka@mail.ru

Annotation

The article considers, in determining definition of “historical memory”, the development of the term in the historical and socio-political spheres of science, its use in the context of modernity, the appropriate conclusions on the application of this phenomenon to political and socio-cultural changes in the world are given. The situations in Colombia and Russia are used as examples of different possible states of the phenomenon depending on the distinct peoples. The comparative analysis of the states of this phenomenon and the events and actions hosted in these countries is undertaken.

Keywords:

historical memory, social memory, collective memory, social construct, realms of memory, living memory, era of the worldwide celebration of memory, La Violencia.